

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-27

DOI 10.25587/SVFU.2022.72.43.004

T. A. Бердникова, А. Г. Николаева

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

e-mail:berrdnikovata@mail.ru; e-mail: likalika.ten999@mail.ru

Фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре Якутии

Аннотация. Для современного языкоznания главным является изучение языка в тесной связи с человеком и с его сознанием, при этом анализ языковых фактов осуществляется во взаимодействии с языковой личностью. Большое внимание в современных исследованиях уделено изучению национально-культурных особенностей языкового сознания представителей различных этносов. Намного реже встречаются работы, где продемонстрированы факты региональных национально-культурных особенностей, что возможно сделать только на материале территориальных/региональных разновидностях национальных языков и диалектных данных. В статье рассматриваются семантические группировки фразеологизмов на материале русского нижнеиндигирского старожильческого говора на территории Республики Саха (Якутия). Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной изученностью и описанием фразеологических единиц в русских старожильческих говорах вообще и на территории Якутии в частности. На сегодняшний день с уверенность можно констатировать наличие некоторых семантических фразеологических групп для последующего объединения их на уровне поля. Целью данной работы является выделение и описание фразеосемантических полей в говоре русских старожилов Арктики на нижней Индигирке. С помощью методов прямого наблюдения (полевые наблюдения и записи), сплошной выборки из диалектных словарей различных типов, описательного метода и метода сравнительного анализа удалось выявить и распределить отобранные фразеологические единицы по семантическим полям; описать устройство самих полей, их сходства и различия

между собой. Особый уклад жизни жителей нижней Индигирки, так называемый «полярный вариант русской культуры», непосредственно повлиял на наличие культурно-национальных коннотаций в образе диалектных фразеологизмов. Субэтническая группа русских старожилов на Индигирке, пройдя долгий путь формирования, представляет собой уникальный случай многовекового взаимодействия с коренными народами Северо-Востока страны, сохранив при этом свою национальную и культурную самобытность, что в том числе отражено и во фразеологических единицах. В статье рассмотрены фразеосемантические поля ‘погодные условия’ и ‘трудовая, хозяйственная деятельность’.

Ключевые слова: язык, культура, фразеология, семантика, поле, семантические поля, фразеологические поля, диалект, русский старожильческий говор, национально-культурная специфика.

Для цитирования: Бердникова Т. А., Николаева А. Г. Фразеосемантические поля в нижнеиндибирском старожильческом говоре Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 60–82.

T. A. Berdnikova, A. G. Nikolaeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: berrdnikovata@mail.ru; e-mail: likalika.ten999@mail.ru

Phraseosemantic fields in the Nizhneindigirsky old-timer dialect of Yakutia

Abstract. For modern linguistics, the main thing is the study of language in close connection with a person and his consciousness, while the analysis of linguistic facts is carried out in interaction with a linguistic personality. Much attention in modern research is paid to the study of national and cultural characteristics of the linguistic consciousness of representatives of various ethnic groups. Much less common are works that demonstrate the facts of regional national and cultural characteristics, which can only be done on the basis of territorial/regional varieties of national languages and dialect data. The article deals with semantic groupings of phraseological units based on the Russian Nizhneindigirsky old-timer dialect in the territory of the Republic of Sakha (Yakutia). The relevance of this article is due to the insufficient study and description of phraseological units in Russian old-timer dialects in general and on the territory of Yakutia in particular. Today, we can confidently state the presence of some semantic phraseological groups

for their subsequent combination at the field level. The purpose of this work is the principles of identifying and describing phraseological-semantic fields in the dialect of Russian old-timers of the Arctic in Indigirka. With the help of direct observation methods (field observations and records), continuous sampling from dialect dictionaries of various types, the descriptive method and the method of comparative analysis, it was possible to distribute the selected phraseological units by semantic fields; describe the structure of the fields themselves, their similarities and differences among themselves. The special way of life of the inhabitants of the lower Indigirka, the so-called «polar version of Russian culture», directly influenced the presence of cultural and national connotations in the form of dialect phraseological units. The sub-ethnic group of Russian old-timers on Indigirka, having gone a long way of formation, is a unique case of centuries-old interaction with the indigenous peoples of the North-East of the country, while maintaining its national and cultural identity, which is also reflected in phraseological units. The article deals with phraseosemantic fields ‘weather conditions’ and ‘labor, economic activities’.

Keywords: language, culture, phraseology, semantics, field, semantic fields, phraseological fields, dialect, Russian old-timer dialect, national and cultural specificity.

For citation: Berdnikova T. A., Nikolaeva A. G. Phraseosemantic fields in the Nizhneindigirsky old-timer dialect of Yakutia // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 60–82. (In Russ.)

Введение

Русский национальный язык представляет собой сложную иерархическую систему, включающую в себя диалектный и литературный язык в его письменной и устной формах.

Русский язык с самого начала его бытования по всей Сибири, в том числе и в Якутии, был не литературным, а диалектным [17, с. 15]. Со времен вхождения Якутии в состав России на ее территории формировалось русское старожильческое население. Термин «старожильческий говор Сибири» был сформулирован О. И. Блиновой в 1971 г. Под ним принято понимать «такой говор Сибири, который характеризуется совокупностью фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, выявленных на основе изучения речи потомков стародавнего населения Сибири (XVI – первая половина XVIII вв.) и имеющих общесибирское распространение» [1, с. 3]. В низовьях Лены, на Оленьке, Индигирке,

Колыме основную массу переселенцев составляли уроженцы северо-западных русских земель: устюжане, усольцы, мезенцы, колмогорцы, белозерцы, для речи которых характерны, например, оканье, г смычное и др. особенности северного наречия. Северорусская основа говоров территории позднейшего заселения проявляется и на лексическом уровне, это касается всех тематических групп: названий явлений природы, растительного и животного мира (зарод, горбуша, калтус); предметов быта (зыбка, лопоть); названий построек и их части (связь, сенница, за-плот); названия домашней утвари и посуды (пестерь, корчага); названия одежды и обуви (сукманка, обутки, чарки); названия пищи, времена приема еды (ячмен, паужин) и др. [5]. Как и в любом северном русском говоре и образованных на их основе вторичных говорах, в лексике русских в арктической Якутии присутствуют финно-угорские по происхождению слова, например, вадига из коми-зырянского, едома из финского, лыва из карельского, няша из коми-зырянского, тайбола из финского и т. д. [22].

На сегодняшний день потомки русских старожилов проживают во всех 35 улусах Якутии, на реке Индигирке в Аллаиховском улусе компактно – в поселке Русское Устье и улусном центре – поселке Чокурдах.

Теснейшее взаимодействие с коренными северными народами привело к появлению собственных языковых черт у русских жителей Индигирки, многие из которых сохраняются в речи старшего поколения и до настоящего времени. Старожилы называют себя индигирцами, местнорусскими, по названию поселка – русскоустынцами или полярнинцами (в советское время, с 1942 по 1987 гг., основное место проживания русских старожилов было переименовано в поселок Полярный, позднее историческое название – Русское Устье – было возвращено). Диалект, на котором говорят старожилы, в научной литературе обозначен как нижнеиндигирский или русскоустынский.

Фразеология русскоустынского говора представляет собой совокупность фразеологических единиц, состоящую из общерусских фразеологизмов, вариантов общерусских фразеологизмов и собственно диалектных единиц. Вопрос о соотношении пластов фразеологических единиц с точки зрения их происхождения остается открытым и еще ждет своего решения в рамках сравнительных исследований.

С помощью методов наблюдения и сплошной выборки были отобраны единицы, находящиеся в говоре в системных отношениях и обладающие общностью семантики и общностью выражения понятия. Так были сформированы поля ‘погодные условия’, ‘трудовая, хозяйственная деятельность’, ‘суеверия и обычаи’, ‘характер человека’, ‘состояние

человека, болезни', 'мифические существа', 'одежда'. Диалектные фразеологические единицы описаны в рамках теории семантического поля.

Основная часть

Начиная с XIX в., в языкоznании разрабатывалась теория поля, что спустя два века стало основной важной категорией лингвистики. Термин поле чаще всего используют для обозначения совокупности языковых единиц, которые объединены каким-то общим для всех семантическим признаком. Изначально в роли таких единиц рассматривали единицы, принадлежащие только лексическому уровню – слова; позже появились семантические поля, которые включали словосочетания и развернутые предложения.

Само понятие поля в лингвистике трактуется неоднозначно (работы Ю. Н. Карапурова, Г. С. Щура, А. А. Уфимцевой и др.), и до сих пор нет единого мнения о происхождении поля, его объеме и составе, структурной организации и др.

В 1924 г. вышла работа Г. Ипсена, где он определял семантическое поле, как «совокупность слов, обладающих общим значением», после чего понятие семантического поля активно распространилось в научных исследованиях. Взгляды ученых на принцип внутренней организации семантического поля во многом совпадают: в структуре поля обычно выделяется ядро, центр и периферия, поля могут взаимодействовать между собой. Современные исследования относительно семантических полей также касаются таких аспектов, как участие семантических полей в создании языковой картины мира, семантические поля в разных языках сравниваются, разрабатываются принципы выделения полей разных типов, в том числе фразеологических.

Фразеологические поля рассматриваются как совокупность фразеологических единиц, выражающих сходное значение [19]. Фразеология – это эмоционально-окрашенный, прагматически значимый компонент семантического поля. Зачастую фразеологизмы дают более детальную, развернутую характеристику объекта номинации, чем семантически близкие лексемы, а иногда называют или характеризуют явления, для которых в лексике нет наименования.

Под термином «фразеосемантическое поле» мы понимаем совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определенных системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия. Совмещение в содержании фразеологических единиц номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать фразеологизмы

для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а также для выражения эмоционального отношения к предмету мысли [7, с. 198–210].

Фразеосемантическое поле, как и любое другое поле, имеет собственную структуру, состоящую из ядра и периферии, где ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. Единицы, составляющие ядерную зону, систематически используются для выполнения функций поля и выполняют их наиболее однозначно. Периферию составляют единицы, осложненные дополнительными смыслами и способные выполнять не единственную функцию [17, с. 85–86].

Единицы литературного языка с точки зрения объединения во фразеосемантические поля изучены достаточно подробно. Народная фразеология также интенсивно описывается, но при этом особое внимание исследователями уделяется формальной (структура, варьирование), этимологической и этнокультурной сторонам диалектной фразеологической единицы. Лишь в конце XX в. – начале XXI в. интерес к способам группировки фактов диалектной фразеологии возрастает, что можно объяснить общей тенденцией к антропоцентрической парадигме в языкоznании. Делаются попытки описать отдельные фрагменты русской языковой картины как неотъемлемой части русского национального языка. Именно диалектная фразеология как кладезь народной мудрости может пролить свет на многие вопросы национального образа жизни, т. к. опирается не на богатую литературную традицию, а на культуру отдельного социума.

Б. А. Ларин отмечал, что фразеологизмы являются отражением взгляния народа, общественного строя, идеологии своей эпохи [6, с. 43]. Так или иначе, фразеологические единицы в своей семантике отражают культуру народа, ее специфику, отмечают и передают следующему поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

Фразеологизмы по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромирсы, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации [6, с. 82].

Как утверждает В. Н. Телия, состав языка во фразеологии – это зеркало, которое отражает национальную самобытность лингвокультурной общности, именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации [6, с. 82]. Особенно ярко это выражается во фразеологизмах, связанных с традициями и обычаями народа.

Рассмотрим некоторые фразеосемантические поля в нижнеиндигирском (русскоустынском) говоре.

Фразеосемантическое поле ‘погодные условия’

Быт и повседневная практика жителей Арктики напрямую связаны с климатическими и природными условиями, что, несомненно, повлияло на формирование лексики и фразеологии рускоустынского диалекта. «Анализируя роль природных явлений в жизни человека, можно отметить, что общее состояние погоды, ветер, температура окружающего воздуха – все это было очень значимо для человека и, естественно, отражалось в языке» [12, с. 141].

Поле состоит из фразеологических единиц с общим значением ‘погодные условия’, которые были разделены на более мелкие образования – фразеосемантические группы.

Фразеосемантическая группа ‘ветреная погода’

В этой группе объединены такие единицы, как *большая погода, буря упала, погода упала, временная погода, по плесу дуть, погода дурная, турга темная, турга темная да темная, ременная турга, турга гнев гневная*.

К опорным компонентам *погода* или *турга* добавляются характеризующие прилагательные, которые чаще всего указывают на ухудшение погодных условий: *большая погода, временная погода, турга темная, турга темная да темная, ременная турга, временная турга*.

Темная турга – очень сильная метель с ветрами, то же, что *турга гнев-гневная*. – *Когда снег падает мороком, густо, облака все задержат, это мы называем турга темная* (РУ. Фед.)¹ [6, с. 244]. В примере можно заметить устаревшее слово *морок* ‘мрачный, мрак’. Несомненно, это указывает на ухудшение погоды, надвигается очень сильная пурга, что даже все вокруг погружается во мрак. В словаре В. И. Даля ‘*морока*’ – мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха; | марево, мгла, сухой туман [4].

Турга темная да темная – очень сильная метель с ветрами, то же, что *турга гнев-гневная, турга темная*. – *Темная да темная турга – это страсная,шибко метет, никого да не видно, куругом да густая пыль. В сендухе в это время пыль снежная* (РУ. Стар. Кос.). В этом случае при описании очень сильной пурги употребляется лексический повтор с соединительным союзом: *темная да темная*.

¹ При приведении примера используется тот же способ указания на место фиксации, что и в словаре М. Ф. Дружининой «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии. Материалы для словаря».

Еще две единицы, образованные по модели существительное + прилагательное: *временная пурга, ременная пурга*. В первом случае временная пурга – сильная непогода, после которой резко наступает затишье. – *Мы тогда отъехали от поселка рано утром, вдруг, брат, временная пурга упала. Ну мольча гнев! Прямо переднюю собачку не видно.* (РУ. Кос. Лаб.). Второе сочетание *ременная пурга* употребляется в значении ‘сильная пурга с холодным ветром’. – *Ременная пурга – этошибко сильная пурга, с сильным и холодным ветром пурга* (РУ. Стан. Як. Ж.). Несмотря на схожую модель и структуру, значения существенно отличаются друг от друга. *Временная пурга* – непостоянное явление, которое длится некоторое время и исчезает, а *ременная пурга* – указывает не на продолжительность, а именно на интенсивность проявления пурги.

В эту же группу входят и ФЕ *большая погода, погода дурная, погода упала*. Значение слова *погода* в русскоустинском диалекте отличается от общерусского значения – ‘буря, ветер, непогода’. Обратимся к этимологии этого слова. Первоначальным значением у слова *погода* было ‘хорошее время’, ‘хорошая погода’, которая являлась производным от слова *года* [25], но в дальнейшем это же слово включило в себя и противоположный смысл – *непогода*. В разных русских диалектах слово *погода* может иметь такие значения, как ‘общее состояние атмосферы’, ‘хорошая погода’ и как в русскоустинском диалекте – ‘плохая погода’.

Большая погода – пурга, метель с сильными ветрами; то же, что *дурная погода, худая погода*. – *Сегодня большая погода, собакам лучше отдохнуть, в такую погоду на охоту имя нельзя* (РУ. Яр.).

Погода дурная – пурга, метель с сильными ветрами; то же, что *большая погода, худая погода*. – *Сполохи начали играть, однако, это к дурной погоде* (РУ. Стар.).

Обе эти единицы указывают на плохую погоду в зимнее время. Негативная оценка фразеологизма связана в первую очередь с компонентом *большая*, который указывает на степень проявления действия.

Погода упала – о резком изменении погоды. – *Сполохи заиграли – погода вокиу да упадет* (Аллаих. Чок.). А в словаре А. Г. Чикачева зафиксировано такое определение значения фразеологизма: *погода упала – начался ветер, буря и т. п.* [23].

Таким образом, слово *погода* в русскоустинском диалекте имеет иной смысл, отличный как от нейтрального современного общерусского слова, так и от значения в других русских диалектах: в данном говоре слово *погода* обозначает ‘ветер, сильную метель со снегом или пургу’ и при этом к нему добавляется прилагательное, которое показывает,

насколько ухудшилась погода, насколько сильный ветер в тот или иной момент.

В группу также входят единицы буря *упала*, *по плёсу дуть*, *гнев гневная*, погода опомнилась.

Буря упала – об испортившейся погоде, начале пурги. – *С утра-то хорошо было, собачки легко бежали, а к ночи-то бура (пурга) упала, глаза лепит да не видно стало далеко-то* (РУ. *Бур. Фед.*). *С утра пурга, буря упала. Охотникам пояхать никуды* (РУ. *Кос.*). Отметим, что глагол *упал* употребляется чаще всего в диалектных сочетаниях в значении ‘начало чего-либо’.

Приведенные примеры показывают, что слова *буря* и *пурга* в русскоустынском говоре обозначают одно и то же явление, и, соответственно, эти слова являются синонимами. В словаре С. И. Ожегова слова имеют разные значения: *буря* определяется как ‘ненастье с сильным разрушительным ветром’, а слово *пурга* – ‘сильная выюга, снежная буря’. Отсюда можно прийти к заключению, что в литературном русском языке эти слова отличаются по смыслу, в первом случае это ненастье с сильным ветром независимо от времени года, а во втором – именно снежная выюга [15].

По плёсу дуть – о ветре, дующем против течения реки. – *Ночью ветер-от по плесу дул, собачкам моим бежать в упряжке вокшу чижало было* (РУ. *Кузьм.*). *Плесо* – это огобень реки, загиб реки, поворот (Аллаих. *Осен. Фед.*), слово имеет общеславянское распространение, ср. укр. *плесо*, др.-русск. *плесь*, чеш., слвц. *pleso* ‘глубокое место в воде, озере’ [20].

Гнев гневная – очень сильная метель с ветрами; то же, что *пурга темная*. – *Пурги-ти бывают страшные, недавно гнев-гневная була* (РУ. *Як. Ж.*). Прием лексического повтора в этом контексте используется для усиления восприятия происходящего.

Единственno зафиксированная единица об улучшении состояния атмосферы *погода опомнилась* – погода успокоилась, стала лучше. – *Нонесь погода успокоилась, дамно июле не было такого* (Аллаих. РУ).

В непосредственной близости к группе ‘ветреная погода’ находится фразеосемантическая группа ‘снежная погода’. Эта группа представлена единицами *валит лахтами, морок мороком стоит, морок мороком идет*.

Валит лахтами – о снегопаде при влажной погоде. – *Всю ночь вроде тихо было. А утром смотрю: густой снег падает, прямо лахтаками валит* (РУ. *Кузьм. Стан.*). В состав фразеологизма входит

собственно диалектное слово лахтак ‘большая часть шкуры, материи, бумаги’ [5].

Морок мороком стоит – о погоде перед снегопадом. – Ветер тянет на мороку, дует, потому холодно, тучи заморочило перед пургойто, морок мороком стоит (РУ. Лаб.).

Морок мороком идет – о снегопаде при влажной погоде. – Когда снег падает (идёт) мороком, облака задёрнет. Это мы называем пурга темная (Лаб. РУ.).

Слово морок – явно диалектное. В словаре В. И. Даля к этому слову дается следующее определение: мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха; | марево, мгла, сухой туман; | облака, тучи; морочно стало, мрачно, сумрачно, пасмурно [4]. В «Словаре лексики Северо-востока» Г. В. Зотова приведены такие значения однокоренных слов: Морок – туман, сумрак, облачность, ненастье. Морочать – надвигаться сумраку, облачности, туману (Нижнеколымский). Морочно – пасмурно, облачно, мрачно (Усть-Белая, Гижига). Морочный – пасмурный мрачный, облачный (Усть – Белая) [11]. В этимологическом словаре Н. М. Шанского находим: морочить. Общеслав. Суф.-преф. образование от *morkъ (> морок) «тьма, мрак». См. морока. Ср. темнить «морочить». В этимологический словаре М. Фасмера – мόрок ‘мрак, туман’, арханг. (Подв.), колымск. (Богораз), морόка ‘густая мгла, сумерки’, укр., блр [25]. Таким образом, в русскоустынском говоре, скорее всего, произошло сужение значение слова морок – ‘сумрак и туман как следствие надвигающегося снегопада’.

Фразеосемантическая группа ‘дождливая погода’

Характерным для этой группы является то, что в рускоустынских говорах встречается очень мало выражений со значением дождливой погоды, что, на наш взгляд, прямо отражает непродолжительность северного летнего периода, для особенностей которого в языке нет специальных обозначений. В данной группе выявлено только одна ФЕ с общим значением – *левной дождь*.

Левной дождь – ливень, проливной дождь. – В Якутске-то, говорят, дождь левной прошёл, дачники пострадали, грядки облило, порушило вокшу да (РУ. Кузьм. Чок.).

В эту же группу можно добавить фразеологические единицы-варианты, обозначающие последствия обильных дождей: *большая потопа/большая вода*.

Большая потопа/большая вода – наводнение весеннее или после продолжительных дождей, то же, что и большая вода. – Большая потопа

принесут дрова-ти к нам, тогда мы имаем, заготовку на зиму делаем (РУ. Осен. Як. Ж.). Дрова-ти большой потопой идет, мы их ловим. Из воды-то вытаскиваем да урусои ставим, а то зимой-то снегом занесет (РУ. Фед. Бур.). После большой воды идёт корневая вода, вторая (РУ. Юрт.).

В Русском Устье большая потопа – ожидаемое явление, т. к. вода приносит в поселение дрова, которые местные собирают и используют в хозяйстве. Раньше это было традиционное занятие детей – собирать топливо.

На периферии фразеосемантического поля ‘погодные условия’ находятся единицы, указывающие на последствия после таяния снега: *вода корневая/вода верховая*.

Вода корневая/вода верховая – второе водополье от таяния снегов на горах; то же, что верховая вода. – *После большой воды идёт корневая вода, вторая. Она образуется от таяния снегов на горных вершинах (РУ. Юрт. Фед.). Корневая вода она попозднее идёт, когда станет таять снег, лёд на горах (РУ. Осен. Стан. Як. Ж.).*

В говоре зафиксированы единицы, характеризующие зимнюю, холодную погоду: *косткой замерзать, клящий мороз*.

Клящий мороз – сильный, жгучий мороз. – *Холодно було, холонно, прамо клящий мороз тогда. Хорошо, что ветров не було, тихой да жгучий бул мороз-от (РУ. Стан. Як. Ж.).* В толковом словаре В. И. Даля прилагательное клящий, не свойственное современному литературному языку, означает ‘сильный, большой, особ. о морозе’ [4].

Диалектное выражение *косткой замерзать* означает рыхлый, влажный снег, который от мороза с ветром замерзает так, что становится твердым, как кость. Внутренняя форма фразеологизма понятна, но выражена своеобразным диалектным синтаксическим способом.

В русскоустынском говоре сохранилось выражение для названия сугубо арктического явления – северного сияния. *Сполохи играют* – о северном сиянии. – *В прошлом где я була как раз в Чокурдахе. Ох, как играли сполохи, цвета менялись прамо под куполом неба (РУ. Лаб.).* Словарь С. И. Ожегова отражает народный характер этого сочетания: *сполохи* – ‘народное название северного сияния, а также зарницы’ [15].

Фразеосемантическое поле ‘трудовая, хозяйственная деятельность’

Во фразеосемантическом поле ‘трудовая, хозяйственная деятельность’ единицы распределены по отдельным фразеосемантическим группам: езда на собаках, ведение хозяйства, приготовление пищи, рыболовство, охота.

Фразеосемантическая группа ‘езды на собаках’

Единицы этой группы отражают особенность русских старожилов Индигирки передвигаться в пространстве тундры на собаках. Езда на собачьих упряжках являлась одним из главных видов транспорта на протяжении столетий в Русском Устье, да и вообще на Северо-Востоке Азии. Такое положение дел сохранялось примерно до середины 80-х гг. прошлого века, когда на смену животным пришли снегоходы.

Сама идея передвижения выражена во фразеологизмах, обязательным компонентом, не всегда стержневым, является глагол: *версты (дороги) промыть (промывать) враз, ехать на духах, кос делать*.

Версты (дороги) промыть (промывать) враз – о безостановочной езде на собаках (оленях) по тундре. – А собачки-те у нас сильные, привычные, поезжайте. Эти версты до Яру промоете враз (РУ. Пол. Лаб.). И не заметите, как эти версты промоете вряд (РУ. Пол.). На опасных собачках вы поедете, промывать дорогу станете. Промыть дорогу – это когда шибко быстро едут (РУ. Чок.).

Как видим, в словаре представлены варианты слов-компонентов: верста – дорога. Слово *верста* произошло от общеславянского слова, образовано с помощью суф. -та от той же основы, что и *вертеть*. Первичное значение – «оборот плуга», затем – «расстояние от одного до другого поворота плуга во время пахоты» и «мера длины» [25]. Но в русскоустынском говоре произошло сужение значения меры длины, а слова *верста* и *дорога* представлены как синонимы.

В словаре М. Ф. Дружининой слово *промывать* в близком низнеколымском говоре зафиксировано со значением ‘о быстрой езде на собаках’. – *На опасных собачках вы поедете. Промывать станете и не заметите, как эти версты промоете враз (Н.-Кол. Н.-Колым.).*

Ехать на духах – о езде на собачьей упряжке. – Собаки дух берут издалека, за 50 и более верст. Поселочный дух оне вокшу да хорошо знают, чуют оне, чуют. Оне на духах едут, особенно в сторону поселка (Лаб. Кос. РУ.).

Кос делать – о езде поочной тундре на собачках. – Охотник при езде знает – прамо едет или кос делает (РУ. Кузьм. Лаб.). Мы, охотники, в сендухе прамо могом ехать, могом кос делать поперек застругов тоже (РУ. Бур. Пол. Осен.).

Диалектное слово *кос* требует пояснения. Вот такое определение дает в «Словаре старожильческих русских говоров на территории Якутии» М. Ф. Дружинина: Кос делать – держать определенное направление при езде поочной тундре. – *Охотник, когда едет в чёмное время*

по сендухе, аранчир знает, прамо едет или кос делает. Кос он делает по застругам (РУ. Кузьм. Лаб. Кос. Стан.). Прямо могом ехать, могом кос делать, поперёк застругов тоже (Аллаих. Бур. Пол. Осен. Чок.) [5].

Вероятнее всего, слово *кос* было заимствовано из якутского языка, которое в словаре Г. В. Зотова представлено, как: *кёс* – условная мера расстояния, соответствующая примерно десяти километрам [10]. В словаре якутского языка Э. К. Пекарского *кос* – денное расстояние (ср. кудук); якутская миля, 7–10 и даже 12 – верст [16].

Темп движения упряжки выражены с помощью устойчивых выражений *ехать ездой* ‘быстро ехать, торопиться’ и *свару не ослаблять* ‘хорошо идти в упряжке’.

Отметим, что во фразеосемантической группе ‘езды на собаках’ довольно много устойчивых терминологических единиц. В повести «Нена» (что на языке морских ламутов значит ‘собака’) В. М. Зензинов, отбывавший в начале XX в. ссылку в Русском Устье, упоминает о специальных названиях собак: *ездовые собаки* и *промышленные собаки* [9, с. 81].

Особого внимания со стороны хозяина удостаивался *передовик* или *передовая собака* ‘вожак упряжки’. Именно на него чутье в непогоду мог положиться человек, когда дорогу заметало снегом, и только передовик выводил упряжку к жилью. Способность не сбиваться с маршрута в любое время суток и в ненастье выражается в таком фразеологизме, как *гонить след* ‘ехать по проложенному снегу, без дороги’. Единица идти передом отражает важную роль именно ведущей собаки в упряжке. – *А собачка – вожак в упряжке передом идёт. Вожак всегда передом, понимает хорошо каюра, слушается его* (Чок. Осен.). Охотники, рыбаки вожака учат – он передом должен ходить (РУ. Стар.).

По выполняемой функции в упряжке передовика была *тягловая собака* ‘хорошо тянувшая в упряжке собака’.

Существовали также специальные названия номинативного характера и для охотничьих собак: вообще для охоты – *промышленная собака* и для охоты на определенного зверя: на медведя – *медвежья собака*, на нерпу – *нерпная собака*.

Название собаки также может варьироваться в зависимости от ее возраста. В говоре существует устойчивое выражение *по первому (второму) алыку* ‘о ездовой собаке в возрасте одно-двух лет’.

Несмотря на всю любовь к животному со стороны русского человека в северных условиях, В. М. Зензинов отмечал, что самыми страшными ругательствами у русскоязынцев, как у собачников, являлись выражения *собачья зараза, собачья кила* [10].

На самой периферии группы ‘езды на собаках’ в непосредственной близости к полю ‘погодные условия’ находится единица *переднюю собаку не видать ‘не видеть что-либо на слишком расстоянии’*.

Фразеосемантическая группа ‘ведение хозяйства’

В этой группе отдельно можно выделить единицы с общим значением ‘топить печку’: *затеплить огонь, кладом класть, класть огонь, топить огонь*.

Затеплить огонь – затопить печку; то же, что теплить огонь, топить огонь, затеплить печку, класть огонь. – *Сидит он в юрте своей, затеплил огонь. Охотники туды приходят, сами затепляют огонь, рыбу варят, чай пьют (РУ. Бур. Яр.)*.

Первоначальная форма *затепливать* является устаревшим словом со значением ‘топить печь, лампаду’.

Топить огонь – топить печку. – *Коло моря балаганьов, юртышиков многоро. Охотники там остановки делают. Зайдут туды и сразу огонь топут и чай варят (РУ. Осен.)*.

Класть огонь – топить печку; то же, что теплить огонь, топить огонь, затеплить печку, затеплить огонь. – *Едешь ноччу, холодно делается, увидишь поварню, идеши туды, сразу огонь класть станеши. Остановку делаешь – огонь класть надо (РУ. Полоус.). В сендухе охотники юрточки есть, мы туды заходим, огонь кладем, чай варим, мало-мало греемся (РУ. Кузьм. Лаб.)*.

Кладом класть – дрова укладывать в горизонтальном положении в противоположность *ставить уруской*. – *Дрова-чи мы кладем не кладом, а ставим уруской. Уруской-то к нам удобно – снегом не занесет (РУ. Як. Ж. Яр.)*. В этом же случае определяется техника укладывания дров, но ей русскоустинцы не пользуются, объясняя это тем, что дрова может занести снегом, такая техника не совсем удобная и практическая.

Есть в говоре единицы, которые отражают особенности женского рукоделия: *засмолить чернотой, класть (накладывать) обделки*.

Засмолить чернотой – зачернить, в черный цвет закрасить что-либо; закоптить дымом выделанную шкуру оленя. – *Сперва-то мы выделанную шкуру держим на дыму, засмолим чернотой кожу, потом шьём чё надо (РУ. Яр. Осен.)*.

Класть (накладывать) обделки – делать украшения на чем-либо, украшать. – *Обделки клали на платье для красы. Обделки клали из лендов, из красивых ниток (РУ. Осен. Бур. Яр.)*.

М. Ф. Дружинина приводит следующее определение слову *обделка* – ‘отделка, украшение на чем-либо. – *Обделки клали на платье для украшения. Обделки из лендов и из другого товару (Аллаих. РУ) [5]*.

Шить ветку – сооружать небольшую одноместную лодку. – Ветки мы всяки сами шили из досков дерванных. Охто как мог, так и шил (РУ. Осен.). Из словаря М. Ф. Дружининой видим, что ветка – небольшая одноместная лодка. – Охто пешком, охто на ветке. Всяко мы туды идем, ленных гусей ловичь (Аллаих. Яр. РУ Лаб.). Мы лодку называем ветка. Она маленькая лодка, легкая (Аллаих. Кузым. Кос.). Скорее всего, такое название лодки имеет общесибирское распространение, что подтверждается определением слова в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона: ветка – ‘сибирская речная лодка, сделанная из нескольких слоев бересты, наложенных один на другой и сшитых деревянными веревочками – вицами, скрученными из тонких ветвей лиственницы, причем швы покрываются слоем смолы’ [3].

Забиться хлопотами – о домашних хлопотах. – Столько хлопот женине дома да с малыми детьми. Страсть много. Забилась я хлопотами. Сеть вязать, ремонить надо, собакам еду варить хоть на одну-две выть (РУ. Кузым.). Образность единице придает глагол забиться, который является семантическим вариантом общерусского глагола.

Единственная многозначная фразеологическая единица *житься в домашности* 1. Жить и трудиться в своем имении, дома. Пр.: я сёдня с утora в домашности жила. В магазин по чай сходила. Чай бра! Сегодня холодно да ветер (РУ. Кузым.). 2. О выращивании пушных зверьков в домашних условиях. Пр.: песец в домашности могут жить, но шкурка у них некачественна бывает (РУ. Стан. Як. Ж.). Полисемантичность единицы связана, скорее всего, с многозначностью общеславянских слов *дом* и *жить*.

Фразеосемантическая группа ‘приготовление пищи’

Эта группа представлена пятью фразеологическими единицами: *узну навешивать, поварить поваром, стряпать рыбу, жарину жарить, стряпать свадьбу*.

*Узну навешивать – готовить ужин. – Теперь узну навешивать пора, времо подошло (РУ. Як. Ж.). Узна – ‘то же, что ужна. – К узну ково-то надо делать, шерба варить чай варить, чай сварить (Стан. Яр.). В состав фразеоглиза входит слово *узна*, что является грамматическим и фонетическим вариантом общерусского слова *ужин*.*

Поварить поваром – выполнять обязанности повара, кухонного работника. – Их дочи поварит там поваром. Училась она на повара-то (РУ. Чок. Кузым.). Пример трансформации существительного «повар» в глагол придает фразеоглизу с одной стороны признаки просторечности, с другой – за счет повтора однокоренных слов – устаревшего выражения.

Стряпать рыбу – готовить юколу, хачиру впрок. – Мы жили на рыбе, стряпали рыбу впрок, рыбу варили, рыбу жарили. Всё рыба да рыба (РУ. Н.-Колым.). Во время промысла стряпали рыбу, готовили юколу на зиму, многие делали хачиру. Страпать рыбу – это готовить юколу впрок (РУ. Кос. Лаб.). Юкола – ‘вяленая на солнце и ветру рыба’. По данным БСЭ, юкола заготовлялась населением Сибири и Дальнего Востока (ненцы, селькупы, коряки и др.) на зиму для питания людей и отчасти на корм ездовым собакам. Это особый способ приготовления рыбы, когда рыбу очищают от чешуи, отрезают голову, разрезают пополам вдоль спины, вынимают внутренности и кости, распластывают и развесывают на вешалах.

Глагол *стряпать* имеет тот же корень, что и заст्रять, отсюда и его исходное значение – ‘медлить; работать’. Впоследствии оно переосмыслилось до значения ‘готовить пищу’ [13]. Перед нами вариант общеrusского слова, который в диалекте имеет своеобразную лексическую сочетаемость: стряпать рыбу.

Жарину жарить – готовить жаркое из рыбы. – Когда жарину жарим, чад в юрте вокшу да, как дым, тогда буйницу открываем (РУ. Пох. Кос.). Жарина – жаркое из рыбы; то же, что жарево, жарено. – Рыбу ловим, жарину кушаем (Чок. Осен.).

Стряпать свадьбу – готовить к свадьбе угощение, закуски, напитки и т. п. – С невестиной стороны, где свадьбу страшат, кто спомянет Бобина имя, того любят (РУ. Кос. Лаб.). Этот фразеологизм также можно отнести и к фразеосемантической группе ‘традиции, обычай’ поля ‘суеверия и обычай’, т. к. он употребляется только в ситуации совершения свадебного ритуала.

Фразеосемантическая группа ‘охота’

Охота наряду с рыбалкой является важной деятельностью жителей Русского Устья, одной из форм традиционного хозяйствования. Следующие фразеологизмы отображают разные охотничьи процессы: *опустить оленя (песца),ходить за пастником, работать на пастях, пойти караулить, идти по гуся.*

Опустить оленя (песца) – с убитого животного снять шкуру и освежить мясо. – Мясо кончится, тогда опустим оленя (РУ. Н.-Колым.). Фразеологизм является общим для русскоустынского и походского диалектов, где глагол *опущать* означает ‘сдирать шкуру, обдирать (с песца, оленя и т. п.)’.

Ходить за пастником – проверять пасти (ловушки) на участках. – Часто приходится ходить за пастником, а то шнурки-ти портятся, другие песцы пакостят (РУ. Чер. Стан.).

Работать на пастях – промышлять песца, пушного зверя. – Я да в молодости работала на пастях. Одна ходила, никогда мне стаину не было (Аллаих. Осен. Чок.). У нас гланя-то работа – это работать на пастях, пышину большую сдавать, деньги зарабатывать. Это зимой, а летом рыбалка (РУ. Яр. Чок.). Молодёжь на пастях работать не хотят (РУ. Фед.). Всю дорогу мы на пастях работали, пышину добывали. Этим да жили (РУ. Осен. Кузьм.).

Пасть – ‘западня, ловушка на зверя’. – Он пасти проверять уяхал, там и пасти ладит. Пасти ставят у мора (РУ. Кузьм.). Чичас многие на пастях, проверяют, ладят. Наши пасти основном у мора (РУ. Стан. Яр.).

Пойти караулить – промышлять, охотиться на зверя. – Охотники не говорили, промышлять, «охотиться» или «убивать кого-либо», а говорили «пошли (пойдем) караулить» (РУ. Чок. Пох.). Здесь фразеологизм использован как эвфемизм.

Идти по гуся (утку) – заниматься охотой на водоплавающую дичь. – В молодости-то охотился я хорошо, а вот теперь стар стал, редко хожу по гуся, по утку (РУ. Кузьм.). Использование предлога -по соответствует частому диалектному значению ‘за’, ср. по грибы, по ягоды.

Фразеосемантическая группа ‘рыболовство’

Рыболовство у русскоустынцев является одним из главных видов деятельности, рыба – основная пища местных жителей, рыбный промысел приносит деньги, кормили рыбой раньше и ездовых собак, из рыбы готовят более 30 блюд. Традиционные блюда не включают в себя мучные изделия и крупы, овощные и молочные блюда, т. к. муки всегда не хватало, она была дорогая, не каждый себе мог позволить ее, а овощей и молочных продуктов не знали вообще.

Во фразеосемантическую группу ‘рыболовство’ входят фразеологические единицы: *лов оживной, метать сеть/невод /тоню, на неводу быть/работать, рыбачить рыбу.*

Лов оживной – лов рыбы ранней весной у кромки льда. – Началом промыслового года считалась весна, когда прилёт водоплавающей птицы и оживлённый лов приносит добычу. Оживной лов – это лов рыбы весной на заберегах (РУ. Осен. Стан.).

Метать сеть/невод/тоню – закидывать, ставить сеть на рыбу (РУ. Чок. Олек.). Вот как определяет слово тоня в своем словаре В. И. Даль – ‘ватага, рыбалка южн. рыболовня, рыбачий стан, притон, становище, промысел; рыбная ловля, неводное рыболовное заведение, и самое место это’[4].

На неводу быть/работать – заниматься ловлей рыбы неводом. – Тогда мы все на неводу были, некогда было за черным зверем ходить по своим участкам, план делали, в рыбзавод сдавали (РУ. Стан. Як. Ж.). Толкование слова *невод* есть у В. И. Даля – ‘самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из мотни посередине и двух приводов или крыльев’ [4]. Что касается происхождения этого слова, то этимология точно не установлена. Обычно толкуют как префиксальное производное от утраченного вод «невод», родственного швед. vad «невод», латышск. vads «большой невод», ср.-н.-нем. wade «рыболовная сеть» и др. Внутренняя форма этого слова полупрозрачна: не водится. Перед нами пример того, как «отрицательное» название объясняется табу: чтобы рыбы не узнавали опасный для них предмет [25].

Рыбачить рыбу – промышлять рыбу, заниматься рыболовством. – Мы здесь живём в общем хорошо: рыбу рыбачим, охотимся на пушных зверей. План свой каждой год выполняем (РУ). Образность единице придает повтор однокоренных слов, которое образует глагол *рыбачить* и отлагольное существительное *рыба*.

Заключение

Нижнеиндигирский русский старожильческий говор продолжает свое функционирование, являясь одним из русских диалектов территории позднейшего заселения. Наряду с развитием и пополнением лексического состава, фразеологический фонд диалекта представлен достаточным количеством единиц, среди которых можно выделить не только семантические группы и подгруппы, но и целые поля. Состав таких полей представляет традиционное образование из центра и периферии, при этом некоторые единицы могут одновременно входить в разные поля. Каждое поле имеет собственные особенности как по лексическому составу единиц (исконное или заимствованное слово), грамматическому составу (разнообразные модели построения словосочетаний), устойчивости, так и семантическому наполнению. Климатические и природные условия Арктики повлияли на причины возникновения фразеологических единиц, при этом внутренняя форма отражает исключительно специфические полярные понятия. Таким образом, фразеосемантические поля в нижнеиндигирском старожильческом говоре отражают часть культурной специфики языковой картины мира русского старожила Арктики на фоне общей русской картины мира.

Литература

1. Блинова, О. И. О термине «старожильческий говор Сибири» / О. И. Блинова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1971. – Вып. 2. – С. 3–8.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 томах ; главный редактор А. М. Прохоров. – 3-е издание. – Москва : Советская энциклопедия, 1969–1978.
3. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз ; под редакцией И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография И. А. Ефрана, 1890–1907. – Т. 1-41А [1-82], доп. 1-2А [1-4]. – URL: <https://rus-brokgaуз-ефрон.slovaronline.com>
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1–4.
5. Дружинина, М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие. – Якутск : Издательство Якутского университета, 1997–2013. – Т. 1–4.
6. Дружинина, М. Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии. Материалы для фразеологического словаря русских говоров: учебное пособие. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
7. Дьяконов, А. И. Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «англизмы в русском языке» / А. И. Дьяконов // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 198–210.
8. Загоровская, О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / О. В. Загоровская. – Москва : Институт русского языка АН СССР, 1990. – 300 с.
9. Зензинов, В. М. Нена / В. М. Зензинов // Полярная звезда. – 2003. – № 6. – С. 75–89.
10. Зензинов, В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / В. М. Зензинов ; составители Е. Н. Аммосова, И. А. Чикаев. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Якутск, 2013. – 140 с.
11. Зотов, Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Севера-Востока России / Г. В. Зотов ; под редакцией А. А. Соколянского. – Магадан : Издательство СВГУ, 2010. – 539 с.
12. Касьянова, В. М. Наименования хорошей погоды в русском литературном языке и в диалектах / В. М. Касьянова // В. А. Богородицкий:

- научное наследие и современное языковедение : тр. и матер. Международной научной конференции. – Казань, 2007. – Т. 1. – С. 141–144.
13. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка ; составитель Г. А. Крылов. – Санкт-Петербург : Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
 14. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 318 с.
 15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е издание, дополненное. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
 16. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 томах / Э. К. Пекарский ; Российская академия наук. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – 1280 с.
 17. Сабурова, Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2013. – № 2. – С. 81–88.
 18. Сафонов, Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии / Ф. Г. Сафонов. – Якутск, 1961.
 19. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
 20. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Прогресс, 1987. – 864 с.
 21. Федоров, А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1980. – 171 с.
 22. Федоров, А. И. Заемствованная лексика в русских говорах Сибири в лингвоэтнографическом аспекте ее изучения / А. И. Федоров // Гуманистические науки в Сибири. – 2000. – № 4.
 23. Чикачев, А. Г. Диалектный словарь Русского Устья / А. Г. Чикачев ; ответственный редактор А. Е. Аникин ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем малочисленных народов Севера. – Новосибирск : Наука, 2005. – 75 с.
 24. Чикачев, А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографической очерк / А. Г. Чикачев ; под редакцией И. А. Чикачева. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Якутск : Литературный фонд им. В. Фролова, 2016. – 264 с.
 25. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А Боброва. – 3-е издание,

исправленное. – Москва : Дрофа, 2004. – URL: <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/>

26. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур ; предисловие М. М. Маковского. – Издание 4-е, исправленное и дополненное. – Москва : URSS, 2021. – 264 с.

References

1. Blinova, O. I. On the term «old-timer dialect of Siberia» / O. I. Blinova // Questions of linguistics and Siberian dialectology. – Tomsk, 1971. – Issue. 2. – P. 3–8.
2. Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes ; editor-in-chief A. M. Prokhorov. – 3rd edition. – Moscow : Soviet Encyclopedia, 1969–1978.
3. Brockhaus, F. A. Encyclopedic Dictionary / F. A. Brockhaus ; edited by I. E. Andreevsky, K. K. Arseniev, F. F. Petrushevsky. – St. Petersburg : Semenovskaya Typolitography of I. A. Efron, 1890–1907. – T. 1-41A [1-82], add. 1-2A [1-4]. – URL: <https://rus-brokgaуз-efron.slovaronline.com>
4. Dal, V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / V. I. Dal. – Moscow : Russian language, 1999. – T. 1–4.
5. Druzhinina, M. F. Dictionary of Russian old-timer dialects in the territory of Yakutia: textbook. – Yakutsk : Yakutsk University Publishing House, 1997–2013. – T. 1–4.
6. Druzhinina, M. F. Phraseologisms in old-timer Russian dialects on the territory of Yakutia. Materials for the phraseological dictionary of Russian dialects: study guide. – Yakutsk : NEFU Publishing House, 2013. – 280 p.
7. Dyakonov, A. I. The concept of «field» in linguistics, features of the field structure of the sphere «Anglicisms in Russian» / A. I. Dyakonov // Siberian Journal of Philology. – 2012. – No. 1. – P. 198–210.
8. Zagorovskaya, O. V. Semantics of the dialect word and problems of dialect lexicography / O. V. Zagorovskaya. – Moscow : Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. – 300 p.
9. Zenzinov, V. M. Nena / V. M. Zenzinov // Polar Star. – 2003. – No. 6. – P. 75–89.
10. Zenzinov, V. M. Ancient people near the cold ocean. Russian Mouth of the Yakutsk region of the Verkhoyansk district / V. M. Zenzinov ; compilers E. N. Ammosova, I. A. Chikachev. – 2nd edition, corrected and enlarged. – Yakutsk, 2013. – 140 p.
11. Zotov, G. V. Dictionary of regional vocabulary of the Far North-East of Russia / G. V. Zotov ; edited by A. A. Sokolyansky. – Magadan : Publishing house of SVGU, 2010. – 539 p.

12. Kasyanova, V. M. Names of good weather in the Russian literary language and dialects / V. M. Kasyanova // V. A. Bogoroditsky: scientific heritage and modern linguistics: tr. and mat. International scientific conference. – Kazan, 2007. – T. 1. – P. 141–144.
13. Krylov, G. A. Etymological dictionary of the Russian language ; compiled by G. A. Krylov. – St. Petersburg : Polygraph services, 2005. – 432 p.
14. Maslova, V. A. Cultural linguistics: a textbook for students of higher educational institutions / V. A. Maslova. – Moscow : Publishing Center «Academy», 2007. – 318 p.
15. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova ; The Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova. – 4th edition, updated. – Moscow : Azbukovnik, 1999. – 944 p.
16. Pekarsky, E. K. Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes / E. K. Pekarsky ; The Russian Academy of Sciences. – 3rd edition, revised and enlarged. – St. Petersburg : Nauka, 2008. – 1280 p.
17. Saburova, N. A. The structure of the phraseosemantic field of space / N. A. Saburova // Philological Sciences. – 2013. – No. 2. – P. 81–88.
18. Safronov, F. G. Russian peasants in Yakutia / F. G. Safronov. – Yakutsk, 1961.
19. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects / V. N. Teliya. – Moscow : Languages of Russian culture, 1996. – 284 p.
20. Fasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes / M. Fasmer ; translation from German and additions by O. N. Trubachev. – 2nd edition, stereotypical. – Moscow : Progress, 1987. – 864 p.
21. Fedorov, A. I. Siberian dialectal phraseology / A. I. Fedorov. – Novosibirsk : Nauka, 1980. – 171 p.
22. Fedorov, A. I. Borrowed vocabulary in Russian dialects of Siberia in the linguo-ethnographic aspect of its study / A. I. Fedorov // Humanities in Siberia. – 2000. – No. 4.
23. Chikachev, A. G. Dialect dictionary of the Russian Ustye / A. G. Chikachev ; executive editor A. E. Anikin ; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Problems of Indigenous Peoples of the North. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 75 p.
24. Chikachev, A. G. Russians on the Indigirka: a historical and ethnographic essay / A. G. Chikachev ; edited by I. A. Chikachev. – 2nd edition, revised and enlarged. – Yakutsk : Literary Fund. V. Frolova, 2016. – 264 p.

25. Shansky, N. M. Etymological dictionary of the Russian language. The origin of words / N. M. Shansky, T. A Bobrova. – 3rd edition, revised. – Moscow : Drofa, 2004. – URL: <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com/>
26. Schur, G. S. Field theory in linguistics / G. S. Schur ; foreword by M. M. Makovsky. – 4th edition, revised and enlarged. – Moscow : URSS, 2021. – 264 p.

Сведения об авторах

БЕРДНИКОВА Татьяна Александровна – к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: berrdnikovata@mail.ru

BERDNIKOVA, Tatyana Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General Linguistics and Rhetoric, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

НИКОЛАЕВА Анжелика Гавриловна – студент филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: likalika.ten999@mail.ru

NIKOLAEVA, Anzhelika Gavrilovna – student of the Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University